

Валерий Воробьев¹

9 ГЛАВА «ОБ ИСТОЛКОВАНИИ» АРИСТОТЕЛЯ И ФАТАЛИЗМ²

Аннотация. Работа посвящена широко известному тексту Аристотеля — 9 главе «Об истолковании», в которой Аристотель поставил проблему фатализма (пример «завтрашнего морского сражения»), а также комментариям к этому тексту Боэция и Аммония Гермия. Точку зрения Аристотеля впоследствии интерпретировали двояко. Традиционная интерпретация состоит в том, что высказывания о случайных будущих событиях Аристотель считал не имеющими определенного истинностного статуса. Боэций в своих комментариях достаточно подробно развивает подобную точку зрения. Комментарии Аммония идут в этом же направлении. В статье также изложен парадокс «Жнец», который содержится в комментарии Аммония.

Ключевые слова: «Об истолковании» Аристотеля, фатализм, история логики в Византии, Боэций, Аммоний Гермий, парадокс «Жнец».

Valeriy Vorobiov

CHAPTER 9 OF ARISTOTLE'S *DE INTERPRETATIONE* AND FATALISM

Abstract. The article discusses Aristotle's widely known text, chapter 9 of *De Interpretatione*, where he put forward the problem of fatalism (the example of the “naval battle tomorrow”) as well as Boethius's and Ammonius Hermeion's commentaries to this text. Afterwards Aristotle's point of view was interpreted in two ways. The traditional interpretation consists in the following: Aristotle held that propositions about future contingents had not definite truth-value. Boethius, in his commentaries, developed such a point of view in detail. Ammonius's commentaries pointed in a similar direction. The present article also presents the paradox “Reaper”, which is included into Ammonius's commentaries.

Keywords: Aristotle's «De Interpretatione», fatalism, history of logic in Byzantium, Boethius, Ammonius Hermeion, paradox «Reaper».

Девятая глава «Об истолковании»³ Аристотеля совсем небольшая, всего 93 строки по изданию Беккера. Но, пожалуй, трудно найти в истории мировой философии другой текст, который при такой краткости породил бы такое количество комментариев и интерпретаций на протяжении многих веков. Думается, причин, по крайней мере, две. Во-первых, сама по себе сложность и важность рассматриваемых вопросов. Фатализм и детерминизм, свобода воли и судьба, предвидение, провидение и самостоятельное поведение — эти темы поднимают и исследуют читатели 9 главы уже более 2000 лет. И читатели были самые разные. А во-вторых, чрезвычайная краткость, концентрированность и, чего греха таить, иногда неоднозначность, неопределенность дошедшего до нас текста. Ведь «Органон», как известно, относится к «эзоте-

¹ Воробьев Валерий Владимирович, кандидат философских наук.

Valeriy V. Vorobiov, PhD.

² Исследование осуществляется при содействии РФФИ (ранее – РГНФ), проект 15-03-00138а, «Античная логика и византийская интеллектуальная традиция: аспекты рецепции».

³ Все цитаты даю в переводе Э. Л. Радлова по изданию (Аристотель 1978).

рической» части аристотелевского корпуса (как и практически все имеющиеся в нашем распоряжении произведения Стагирита), то есть не был обработан и отделан (говоря современным языком «отредактирован») для издания.

Аристотель начинает 9 главу, высказав несколько тезисов, которые затем развивает и дополняет, в том числе что утверждения (я буду также употреблять термин «высказывания») относительно событий настоящего и прошлого, если они истинны или ложны, то необходимо истинны или ложны, но существует различие между событиями прошлого или настоящего и единичными, которые ещё только будут (и соответствующими утверждениями). Это, на мой взгляд, не противоречит его подходу, выраженному, в частности, в первых главах того же произведения (и во многих других местах), где он не связывает истинность с временными характеристиками. Если принять, что и эти высказывания (о будущих случайных событиях) истинны или ложны без ограничения (то есть уже «сегодня» истинно или «сегодня» ложно утверждение относительно событий «завтра»), то получится (с использованием принципа бивалентности и закона исключенного третьего), что «или утверждение, или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным», а тогда «ничего не существует и не происходит случайно ... и всё происходит по необходимости» (18 b 3–7).

Затем Аристотель отмечает, что если какой-то предмет сейчас бел, то во всякое время до этого (не имеет значения, вчера или 10000 лет назад) было истинно утверждать, что этот предмет есть или обязательно будет белым. А если нечто есть или обязательно будет, то оно «не может не возникнуть» и поэтому является необходимым (пользуясь известными соотношениями модальных понятий: «невозможно не- p » = «необходимо p ») (18 b 10–15). Стагирит указывает, что получившиеся результаты приводят к нелепости, и повторяет, что если всё происходит по необходимости (а мы уже знаем, что из признания истинности «до того» высказываний описывающих будущие события вытекает их необходимость), то «не надо было бы в таком случае ни решать, ни стараться, полагая» (18 b 31), что от наших действий зависят события будущего.

Но ведь мы должны признать, что наша деятельность и наши решения влияют на будущее, случайные события которого не предопределены. И в конце главы Аристотель приводит знаменитый пример с «завтрашним морским сражением», которое «необходимо будет или не будет, но это не значит, что завтра морское сражение необходимо будет или что оно необходимо не произойдет, необходимо только то, что оно произойдет или не произойдет» (19 a 30–32).

Реальное сражение, которое, видимо и имел в виду Аристотель, — это тоже знаменитая битва при Саламине между объединенным греческим и персидским флотами 28 сентября 480 г. до н. э. Обстоятельства сложились так, что накануне и греки, и персы сомневались (по разным причинам) нужно ли завтра начинать сражение. И тогда афинский военачальник Фемистокл, который был уверен в победе, пошел на хитрость. Он тайно послал

своего доверенного человека к персидскому царю Ксерксу и передал ему ложное сообщение, что греки боятся персов, собираются бежать (некоторые действительно собирались), но он, Фемистокл, переходит на сторону персов, поэтому царю надо завтра начинать сражение, атаковать греков, и он легко одержит победу. Ксеркс поверил... и потерпел жестокое поражение. Этот пример показывает (и подтверждает), что «будущие события имеют своим истоком и решения, и некоторую деятельность» (19 а 7–8) и существенно зависят от того, какие «решения и деятельность» мы принимаем и осуществляем. Я думаю, что для времени Аристотеля контекст этого примера был для греков достаточно ясным и являлся в определенном смысле «контрпримером», то есть демонстрировал, как «некоторая деятельность» (Фемистокла) привела к тому, что истинным оказалось высказывание «завтра морское сражение произойдет». Пример Аристотеля стал с течением времени нарицательным и сегодня в некоторых научных работах «завтрашнее морское сражение» стоит в индексе, просто как самостоятельная тема.

Темы свободы воли и фатализма, детерминизма и причинности, а впоследствии теологические проблемы божественного предвидения и предзнания были «на слуху» практически постоянно, и, соответственно, 9 глава «Об истолковании» подвергалась «истолкованиям» не менее часто на протяжении всей истории философии. В современной философской и логической литературе повышенный интерес к этому аристотелевскому тексту снова возник и усилился после работ Я. Лукасевича 10-х — 20-х годов прошлого века. Изложение и подробный анализ подходов к этой весьма широко трактуемой и ставшей предметом обширных дискуссий теме (9 глава и «вокруг» неё), начиная с 50-х годов XX в. и до настоящего времени, читатель может найти в книгах⁴, а затем и в последующих статьях разных авторов.

В этой связи хотел бы сделать (повторить, рискуя высказать достаточно общепринятые мысли) некоторые методологические замечания (см.: Воробьев 1989). В работах по истории логики, написанных в последние 100–150 лет, можно найти довольно много примеров, когда анализ и оценки, даваемые настоящими, добросовестными учеными, являются не просто неточными или неглубокими, а, по сути дела, свидетельствуют о полном непонимании исследуемого. Ошибочная трактовка учений прошлого может быть проиллюстрирована на примере оценки К. Прантлем, великолепным знатоком античных и средневековых логических текстов, и другими маститыми историками философии прошлого (Целлер, Майер) логики стоиков. Они утверждали, что логика эта, которая, по справедливому утверждению Я. Лукасевича, «представляет собой шедевр, не уступающий логике Аристотеля» (Лукасевич 1959: 93), не имеет никакой ценности. Согласно отзыву Э. Радлова, дореволюционного переводчика «Об истолковании» Аристотеля, о проблематике 9 главы, тонкости аристотелевского анализа также не заслуживают внимания. Причина подобных недоразумений (скажем так) достаточно очевидна. В про-

⁴ См.: Ammonius 1998; Карпенко 1990; Gaskin 1995; Øhrstrom, Hasle 1995.

шлом мы можем только тогда увидеть и правильно оценить идеи, которые близки современным теориям, когда эти современные теории сами обретут чёткость и ясность. При этом, конечно, существует опасность модернизации учений прошлого, так было бы, если мы стали бы утверждать, например, что исчисление высказываний (Лукаевич в известной работе конца 20-х годов показал, что логика стоиков есть «античный вариант» исчисления высказываний) было просто «переоткрыто» современными логиками. Своеобразная «научная революция» 10-х — 30-х годов XX в. в истории логики, связанная, прежде всего, с именами Я. Лукаевича и Г. Шольца, показала возможности подхода к оценке логических учений прошлого, с опорой на современную логику. В результате были заложены основы для дальнейших плодотворных исследований в области истории логики.

В историко-логических исследованиях можно указать и еще один интересный аспект. Имеется в виду ситуация, когда для адекватного представления идей логиков прошлого создаются новые методы (иногда даже новые разделы логики), и это является уже не только историческим исследованием, но и развитием современной теории. Как я уже отметил, Я. Лукаевич, изучая главу девятую «Об истолковании» Аристотеля (решая проблемы фатализма, высказываний о будущих событиях и подвергнув сомнению принцип бивалентности), пришел к выводу, что адекватное представление идей Аристотеля в данном случае требует введения в логику третьего значения истинности. Он предложил ввести такое третье значение, интерпретируемое им как «возможно», и тем самым стал основоположником многозначной логики.

Другая, но весьма сходная с проблематикой 9 главы тема привлекла внимание (еще в 50-годы XX в.) австралийского логика А. Н. Прайора, и он стал общепризнанным «отцом» временной логики — «temporal logic» (хотя сам Прайор использовал термин «tense logic») — когда для анализа одного из рассуждений древнегреческого логика (знаменитый «Главный аргумент» мегарика Диодора Крона) построил особое логическое исчисление, основанное на использовании глаголов в определенном времени: «было», «будет», «всегда было», «всегда будет» — в качестве временных операторов, превращающих обычные высказывания в модализованные. Дальнейшее развитие временной логики и современные исследования подтвердили важность и исторический приоритет философских подходов: «Первоначальные интуиции А. Н. Прайора были чисто философские и даже теологические и касались проблемы детерминизма и свободы воли» (Braüner, Hasle, Øhrstrøm 2000: 186).

Как известно, судьба сочинений Аристотеля была достаточно запутанной, и только с I века до н. э., после издательской и редакторской работы Андроника Родосского, они стали широко распространяться среди тогдашнего образованного класса Римской империи, в которую теперь входили такие центры философской (и шире — гуманитарной) культуры, как Афины и Александрия. Показательный пример — Цицерон, который даже ездил в Грецию и учился у греческих преподавателей, чтобы получить полноценное

образование. В произведениях Цицерона «О дивинации» и «О судьбе» тема фатализма и свободы воли обсуждается по существу, но интересующее нас произведение Аристотеля он не затрагивает, хотя Аристотеля упоминает.

В первые века н. э. большое распространение, а затем и дальнейшее развитие (особенно в западной средневековой философии) получил такой достаточно специфический жанр позднеантичной (и ранневизантийской) философской литературы как комментарии (первоначально на греческом, а затем и на латинском языке). Комментировали прежде всего произведения признанных основателей главных и наиболее распространенных философских школ — Академии и Ликея — Платона и Аристотеля. Жанр этот и возник практически одновременно с введением вновь в научный оборот сочинений Аристотеля, поскольку, видимо, перерыв традиции непосредственного изучения трудов основоположника привёл к затруднениям в понимании его текстов, которые и так не были общепонятными, да ведь и сохранились в основном те, которые не предназначались для публикации. Вот и потребовалось, во-первых, ясно изложить тексты, а во-вторых, проинтерпретировать их с учетом уже состоявшегося к этому времени философского развития. Комментарии представляли собой учебный материал, в котором разъяснялось — первая и главная задача комментария — содержание определенного произведения. Комментируемый текст был разбит на цитаты небольшого объема. Кроме, так сказать, «школьных» комментариев, известны и достаточно самостоятельные, авторские работы, предназначенные для более подготовленных слушателей, которым можно было предложить для изучения и собственные идеи. Аристотель как комментируемый автор не имеет себе равных; объём сохранившихся (прежде всего греческих) комментариев к его трудам превышает объём остальных дошедших до нас от античности философских текстов (при том, что большая часть известных только по названиям комментаторских работ утрачена). Соответствующая серия, издававшаяся в Германии (*Commentaria in Aristotelem Graeca*, 23 vols.), содержит около 15000 страниц, и подавляющая часть этих текстов не переведена на русский язык. А ситуация в отношении более поздней (начиная с VI–VII вв.) византийской философской литературы еще сложнее: многие её произведения ещё даже и не изданы и существуют только в рукописях⁵.

Большинство сохранившихся комментариев к Аристотелю относится к «Органону», чаще всего (особенно в ранний период) комментировали «Категории». «Об истолковании» (в современной литературе иногда в качестве названия используется калька с греческого «Герменевтика», полагаю это вполне правомерным) привлекло меньше внимания греческих авторов, и на сегодня издано два сохранившихся авторских (позднеантичных или ранневизантийских) комментария этого произведения, принадлежащих Аммонию Гермю (435/445 — 517–526 гг.) и одному из его последователей (ученику его учеников) Стефану Александрийскому (вторая половина VI в. — начало

⁵ См.: Ierodiakonou 2002.

VII в. н. э.). В литературе имеет место некоторая дискуссия относительно термина «византийская философия» (с какого времени её следует «начинать», если такой термин вообще имеет смысл). Я полагаю, что с конца IV в. уже можно говорить о «философии в Восточной Римской империи (Византийской)», которая и будет именоваться «византийской» или «ранневизантийской» в соответствующих случаях.

Наш интерес направлен также на рассмотрение комментариев к 9 главе, которые принадлежат младшему (латиноязычному) современнику Аммония. Аниций Манлий Торкват Северин Боэций (480–525 гг.) — таково его полное имя. О Боэции написано очень много, и практически все в превосходной степени, а в конце XIX века он даже был канонизирован католической церковью. Боэций приобрел такое значение в истории западноевропейской мысли, видимо, потому, что после возникновения в конце V в. на месте (и вместо) Западной Римской империи «варварских королевств» наследие античности, которое было в основе грекоязычным, для непосредственного изучения становилось труднодоступным. Причинами всё более угасавшего знания на Западе, начиная с раннего средневековья, трудов античных авторов (кроме часто пренебрежительного отношения христианских идеологов к «язычникам») были элементарное незнание греческого языка, упадок культуры и утрата высоких образовательных и научных стандартов античности в так называемые «темные века» (VII–X вв. н. э.). В этих условиях наиболее важной оказалась роль Боэция как своеобразного передаточного звена от античной философской мысли к латиноязычной средневековой, и эта роль не может быть преувеличена. В реальности логика западного средневековья вплоть до XII века (она тогда называлась «logica vetus» то есть «древняя») практически полностью базировалась на комментариях Боэция к Аристотелю и другим авторам, в частности к Порфирию, и текстах «Органона», переведенных им же. Справедливости ради отметим, что Боэцию принадлежит ряд собственных оригинальных сочинений по логике, которые совершенно заслуженно получили высокую оценку историков логики (см.: Борисов 2014: 339–346; Гусева 2003: 223–227; Тоноян 2013 и др.).

Что касается аристотелевского текста (9 глава «Об истолковании»), отмечу, что активность логиков и философов, рассматривающих эту тему, в последние годы не снизилась⁶; тем не менее, основные подходы в интерпретации и анализе определились достаточно давно. При рассмотрении взглядов Аристотеля (здесь и далее я буду иметь в виду именно 9 главу) можно выявить две главные линии. Первая, так называемая «традиционная» (или «стандартная»), состоит в том, что высказывания о будущих событиях Аристотель считал не имеющими истинностного статуса (точнее, ни истинными, ни ложными). Некоторые интерпретаторы на основании этого утверждают даже, что Аристотель здесь приходит к мысли о введении в логику третьего значения истинности или даже к идее так называемых «провалов значения»

⁶ См.: Ammonius 1998; Борисов 2015: 253–259; Карпенко 1990; Новолодская 2013; Спешилова 2015: 260–264; Gaskin 1995; Goris 2002: 64–72; MacFarlane 2003: 321–336; Øhrstrom, Hasle 1995.

(MacFarlane 2003: 321–336). Традиционное понимание (иногда с оговорками, видоизменениями и дополнениями) было господствующим в античности (перипатетики) и в поздней античности (Боэций), и у ранневизантийских комментаторов (Аммоний, Стефан); его также принимает значительная часть современных исследователей⁷. Во вторую «линию» я включил бы все иные подходы, то есть те, в которых не отвергается (хотя, возможно, и подвергается сомнениям или модификациям) принцип бивалентности для «future contingents» («будущие случайности»).

В средневековье «традиционная» интерпретация («первого типа») оказалась неприменимой и не могла быть принята, поскольку признание, что некоторые высказывания не являются ни истинными, ни ложными, то есть имеют какую-то иную истинностную квалификацию (кроме классических «истина» и «ложь») или не имеют её вообще, легко приводило к отрицанию (по крайней мере, косвенному) принципа божественного всезнания и предвидения, что было совершенно неприемлемо для средневековых (христианских) мыслителей. С целью избежать этого схоласты в целом приняли некоторые (введенные еще Аммонием и Боэцием) дистинкции: они предложили считать, что высказывания о будущем не теряют истинностного статуса вообще, но не имеют необходимо истинностного статуса, поскольку, не являются предопределенно истинными или предопределенно ложными.

История толкований главы 9 «Об истолковании» ясно показывает по крайней мере одно: в настоящее время, вероятно, просто невозможно дать интерпретацию, которую все признали бы аутентичной. И это касается не только точки зрения Аристотеля, но и его комментаторов. Многие современные исследователи считают, «что Боэций придерживался нестандартной (нетрадиционной — *B. B.*) интерпретации. Решер с этим не согласен, он считал, что Аль-Фараби был первым, кто развил нестандартную концепцию, и за ним последовали Ансельм и Оккам. Доротея Фреде думает, что Аль-Фараби принимал стандартную интерпретацию. Крейг считал Боэция, Ансельма и Бонавентуру сторонниками стандартной интерпретации, но Аквината — нестандартной. Разногласия в классификации взглядов Боэция и затем схоластов соответствуют множеству интерпретаций боэциевско-схоластического выражения «определенно/детерминированно истинно или ложно» у современных исследователей. Многие (Энскомб, Решер, фон Вригт, Сорабджи, Минуччи) думают, что это выражение добавляет некоторую модальную квалификацию истинностному значению: высказывания о будущих случайностях являются истинными или ложными, но не являются необходимо истинными или необходимо ложными» (Goris 2002: 67–68).

Анализируя трактовку оременённых высказываний Аристотелем, я предлагаю рассмотреть его позицию с использованием подхода, на мой взгляд, в данном вопросе очень существенного, то есть с точки зрения его теории времени. Действительно, главный пункт расхождения интерпрета-

⁷ См. ссылки в сн. 5.

ций — статус высказываний о будущих событиях. Очевидно, что понимание Аристотелем основных временных категорий («прошедшее», «настоящее» и «будущее») должно быть определяющим (и уж, во всяком случае, должно учитываться) и в понимании им высказываний, истинность которых зависит от временных характеристик, которые могут использоваться в этих высказываниях. То есть овременёнными будем считать высказывания, выраженные предложениями, содержащими глаголы в некоторой временной форме, либо каким-то иным образом зависящие от времени по истинности (например, истинность которых различна в разные моменты их произнесения). «Брут убил Цезаря» — истинно после 15 марта 44 г. до н. э. и ложно до этого момента.

При изложении теоретических представлений о времени (Аристотеля и других авторов) будут использоваться современные модели и концепции⁸ в той степени, которая не приведет к излишней модернизации. Концепции эти по содержанию представляют собой две пары альтернативных подходов к феномену времени (субстанциональная — реляционная и статическая — динамическая).

Различие субстанциональной и реляционной концепций времени (иногда используется термин «абсолютная» и «относительная»), не всегда выраженное с достаточной ясностью и четкостью, проходит через всю историю философии. В одном случае время считается особой субстанцией, существующей наряду с пространством, материей и т. д. и независимой от событий; в другом оно существенно определяется наличием тел и совершением событий, представляя собой некоторое их отношение. Коротко говоря, концепции дифференцируются в соответствии с ответом на вопрос: «Будет ли идти время в пустой вселенной?» Классическим выражением субстанциональной концепции считается понятие абсолютного времени, введенное И. Ньютоном, который ответил утвердительно на поставленный вопрос. Ясное представление о реляционной концепции развил приблизительно в это же время Г. Лейбниц.

Статическая и динамическая модели по разному описывают события. В статической концепции принимается, что события просто есть (в определенном смысле «всегда»), а не происходят и не случаются, что становление зависит от сознания, а не является объективной характеристикой событий, что место любого события может быть указано без обращения к моменту «теперь», а только через отношения «раньше — позже» или какое-то другое отношение (например «между»). «Прошлое», «настоящее» и «будущее», с этой точки зрения, просто удобным образом кодируют наш опыт, выступая в языке как грамматические времена, но при этом могут и не обладать независимым от сознания статусом. Все реальные события мира в некотором смысле имеются, наличествуют, а мы принимаем осознание перехода от одних событий к другим за их объективное становление.

Наиболее характерные черты этой концепции: 1) онтологический статус всех событий одинаков; 2) отношения между событиями определяют безвре-

⁸ См., например, (Молчанов 1977).

менные «раньше — позже»; 3) «прошлое, настоящее и будущее», «теперь», «становление» — феномены, зависящие от сознания. Естественным выводом из такой позиции должен быть онтологический детерминизм и даже фатализм. Индетерминизм относительно будущего может иметь смысл только вследствие неосведомленности или ошибки. То есть будущие события предопределены, но мы их сейчас не знаем (тем не менее, их может знать ум более мощный, чем ум человека). С исторической точки зрения статическую концепцию в ясной форме первым выразил, очевидно, Парменид.

В динамической модели, в отличие от статической, становление считается объективно существующим, а временные отношения — фундаментальными и не сводимыми ни к каким другим. События прошлого и будущего не существуют (уже и еще), и только настоящее есть. Любое событие обязательно имеет одну из трех характеристик относительно момента «теперь» («прошедшее», «настоящее», «будущее»).

В этой концепции можно выделить следующие черты. 1) Онтологический статус событий прошлого, настоящего и будущего различен. 2) Отношения между событиями устанавливаются с помощью временного момента «теперь» и отнесения к нему координат любого события. 3) «Прошлое, настоящее и будущее», «теперь», «становление» могут быть выделены без обращения к чьему-либо сознанию. В рамках динамической модели обоснованно можно принять разветвленность времени (в отношении будущего), причем недетерминированность будущего, являющаяся следствием разветвленности, служит критерием отличия его от прошлого. Настоящее есть как раз момент перехода первого во второе. Одним из первых идеи о всеобщности изменения и становления высказывал Гераклит.

При рассмотрении вопроса о соотношении динамической и статической моделей, в отличие от предыдущей пары альтернативных концепций, речь идет об описании событий, существующих во времени, и о выборе подходящего языка для такого описания, что, безусловно, приводит к возникновению логического аспекта в данной проблематике. В частности, это очевидным образом касается истинностного статуса высказываний о будущем.

Аристотель, в сущности, первым систематически разработал концепцию времени и изложил её в главах 10–14 книги IV «Физики». Время и существование, время и движение — связь этих понятий определяет основные рамки этой концепции. Важное значение имеет разбор абстрактных свойств времени, а также свойств «теперь» и некоторых других временных индикаторов. Время или не существует, или едва существует, пишет Аристотель (217 b 33). Причина этого в том, что прошлое уже миновало, будущее еще не наступило, а «теперь» не является частью времени (218 a 9). Время не существует (в подлинном смысле этого слова) и в отсутствие души; существует только нечто, являющееся в каком-то отношении временем (223 a 22–28). Поскольку же время есть не что иное, как «число движения по отношению к предыдущему и последующему» (219 b 1) и именно «число считаемое» (там же), то в отсутствие органа, способного считать, души, времени быть не должно. Но,

делает глубокое замечание Аристотель, возможно движение и в отсутствие души, а с движением связано «прежде» и «после», а с «прежде» и «после» связано время! (223 а 26–28). Здесь явно имеется в виду, что есть некоторое упорядочение, являющееся объективной основой осознания его как временно-го упорядочения.

Особое внимание уделил Аристотель и вопросу о существовании вещей во времени. Для всякой вещи быть во времени означает измерение её бытия временем (221 а 5–10); «и вообще все вещи, которые иногда существуют, иногда нет, должны находиться во времени...» (221 в 29–30). И из того, чего уже нет или еще нет, одно было, а другое будет (222 а 1–2). Но существует и нечто, не находящееся во времени. Ясно, что оно не подвержено изменению и не обладает движением (перводвигатель, например) (221 в 3–5).

Резюмируя, следует оценить взгляды Аристотеля следующим образом: он принимает реляционную концепцию (в основном), так как связывает время с событиями, с движением и изменением, считая, что если ничего не происходит, то и время не идет. Затем он склоняется в большей степени к динамической модели, поскольку отмечает несуществование прошлого и будущего, реальный характер становления; указывает на отнесенность всех временных характеристик к моменту «теперь». Однако Аристотель видит и трудности в этой модели, в частности, возможный упрек в субъективизме в связи с тем, что «теперь» не просто момент настоящего, но осознанный момент настоящего.

Глубокое и тонкое исследование Аристотеля оказало значительное влияние на последующее развитие представлений о времени. Его взгляды, в общем, достаточно часто подвергались и критике (например, Платином), но даже отрицавшие их правильность не могли игнорировать его точку зрения. Через Августина, Боэция (и непосредственно) эти идеи Аристотеля были восприняты средневековыми схоластами.

Возвращаясь к 9 главе, повторим мысли Аристотеля с учетом его теории времени, рассмотренной выше.

«Итак, относительно того, что есть и что стало, утверждение или отрицание необходимо должно быть истинным или ложным» (18 а 28–30), — начинает Аристотель и продолжает: «однако не так обстоит дело с единичным и с тем, что будет» (18 а 33). Очевидно, здесь выражено его собственное мнение, так как вслед за этим он говорит о неприемлемых следствиях, которые получаются, если полагать в отношении будущих единичных событий, что «всякое утверждение и отрицание истинно или ложно» (18 а 37) и «необходимо, чтобы всё было присуще или не присуще» (18 а 34). Неприемлемые следствия заключаются, во-первых, в фаталистических выводах «ничего не существует и не происходит случайно... и всё совершается по необходимости» (18 в 5–7) и, во-вторых, в отсутствии свободы воли и возможности выбора: «не надо было бы в таком случае ни решать, ни стараться, полагая, что, если сделаем это, будет это, а если этого не сделаем, то этого не будет» (18 в 31–32).

Аристотель полагает (19 а 24–30), что воспроизведенная им аргументация (18 а 34 – 19 а 6) в пользу фатализма основана, во-первых, на принятии тезиса «если нечто есть, то оно необходимо есть» в безусловном смысле, и, во-вторых, на принятии связанного с этим тезиса, что разрешается переходить от необходимости дизъюнкции того, что есть или не есть (будет или не будет), к раздельной необходимости того или иного.

По моему мнению (повторим сказанное выше), в основе решения, предлагавшегося Аристотелем, лежит признание различий в статусе высказываний о будущих событиях и о событиях настоящего и прошлого, то есть отличий высказываний о том, «что не есть, но может быть и не быть» (19 b 3) от того, «что есть» (19 b 4). Ограничения как раз заключаются в том, чтобы не распространять двусмысленность и закон исключенного третьего относительно необходимости в вышеприведенной формулировке на высказывания о единичных будущих событиях.

Этой традиционной интерпретации как будто противоречит одно место из трактата «О душе». Аристотель говорит здесь об истинности высказываний в том смысле, что истинными или ложными высказывания бывают вследствие правильного или неправильного сочетания «предметов мысли». «При мысли о чем-то прошлом или будущем мыслится и присоединяется также время» (430 b 2). «Однако же ошибкой или истиной может быть не только то, что Клеон бел⁹, но и то, что он был или будет белым. А сочетает в одно каждый раз ум» (430 b 3–6).

В данном случае Аристотель имеет в виду несколько иной аспект проблемы истинности, её структурный компонент, а именно, что истинность заключается в «сочетании» в высказывании того, что «сочетается» в реальности. При этом соответствие высказанного (обозначающего «мысленное») и действительного понимается в плане чисто возможном: если соответствие есть, то высказывание истинно.

Как уже говорилось, мы считаем необходимым учитывать при анализе понимания Аристотелем овременённых высказываний его теорию времени. В динамической концепции, которой в основном придерживался Аристотель, реально существующими признаются события настоящего, события прошлого уже совершились, а будущего ещё не наступили.

Поскольку (см. выше) принимается классический критерий истинности как соответствия мысли и действительности (выраженный явно у Аристотеля — «речи истинны настолько, насколько правильно говорится о вещах» (19 а 34); см. также 18 b 2 и во многих других местах), то, на первый взгляд, Аристотель должен был бы считать не имеющими истинностного статуса высказывания не только о будущем, но и о прошлом. Ведь прошлого, как и будущего, «сейчас» нет. Однако прошлые события могут в определенном смысле «присутствовать» в настоящем в виде следствий этих событий; очевидно, что для событий будущего положение существенно иное. Мы, конечно, мо-

⁹ В переводе Радлова — «бледен», что неправильно.

жем сказать, что закономерные события будущего предопределены, и если события прошлого «присутствуют» в настоящем своими следствиями, то события будущего — своими причинами.

Но ведь следует принять (и Аристотель это принимает), что есть и случайные, незаконномерные события. В отношении них несимметричность прошлого и будущего вполне обнаруживается. Если случайные события прошлого (как и закономерные) имеют следствия в настоящем, то случайные события будущего (не так, как закономерные) если и имеют причины в настоящем, то только начиная с некоторого момента, а, например, на сегодня может еще не быть причин ни того, что морское сражение завтра будет, ни того, что оно не произойдет. Подобные рассуждения и могут, на мой взгляд, обосновать отказ Аристотеля признавать одинаковый статус для овременённых высказываний о будущем и остальных. Некоторые исследователи, однако, полагают, что причинный ряд, идущий из прошлого, может прерваться, то есть ситуация (в частности, условия истинности) для случайных событий прошлого станет, в определенном смысле, похожей на ситуацию для случайных событий будущего. Однако здесь всё-таки есть различие и оно, на мой взгляд, существенное. Состоит оно в том, что причинный ряд, идущий из прошлого, теоретически *может* дойти до настоящего, а причинный ряд случайных событий будущего *не может* начинаться ранее определенного момента.

Признание же «безвременной» концепции истинности для любых высказываний, то есть, и для высказываний о реальных (настоящих и прошлых), и о случайных будущих событиях, на мой взгляд, очень хорошо коррелирует со статической концепцией времени. События будущего в статической интерпретации просто неизвестны нам, хотя они уже «существуют», поэтому высказывания о таких событиях обладают определенным значением истинности; мы этого значения еще не знаем, но его может знать кто-то другой.

Боэций составил два комментария к «Герменевтике», один в двух книгах, другой в шести, при этом «малый» комментарий предназначен, как обычно, для образовательных целей и представляет собой текстуальное изложение и подробное разъяснение аристотелевского текста, а «большой» имеет в большей степени исследовательский, углублённый характер (см.: Voetius 1880, II: 186, 2–12). Существует мнение, что Боэций в своем комментарии следует за Аммонием, однако оно было подвергнуто обоснованным сомнениям. Дело в том, что оба автора опираются на предыдущих комментаторов — непосредственно на Порфирия (в частности, два комментария Боэций составил, следуя примеру Порфирия, см.: Ammonius 1998: 16), который, в свою очередь, опирался на Александра Афродизийского, одного из ранних — вторая половина II в. н. э. — комментаторов Аристотеля. Александр, который был вполне «правоверным» перипатетиком, позже рассматривался как «наиболее аутентичный интерпретатор Аристотеля»¹⁰. Аммоний

¹⁰ The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Principal Editor: Edward N. Zalta. World Wide Web URL: <http://plato.stanford.edu/>. Stanford. Статья: Commentators on Aristotle

же опирался в большей степени на неоплатоников, чья деятельность относится ко времени после Порфирия — Ямвлиха, то есть Сириана и Прокла. Поэтому содержательная близость комментариев Боэция и Аммония вполне может быть объяснена наличием общих источников, и нет необходимости предполагать зависимость одного автора от другого, тем более что никаких прямых подтверждений этого нет.

Свой подход к интерпретации оременённых высказываний в 9 главе Боэций излагает сразу в первых же строках малого комментария:

Рассматривая противоречивые высказывания о событиях настоящего и прошлого, он (здесь и далее, естественно, Аристотель. — В. В.) говорит, что одно из них всегда *определенно* (*definite*) (выделено мной. — В. В.) истинно, а другое определено ложно, как если кто-то сказал бы: «Все Фабии, которые выступили, собрав частную армию, против вейентинцев, погибли». Если это отрицается: «Неверно, что все Фабии, которые выступили, собрав частную армию, против вейентинцев, погибли», то, конечно, необходимо, чтобы одно было истинно, а другое ложно, но [данное] утверждение определено истинно и отрицание определено ложно. Ведь, когда о том, что произошло, говорится, что оно произошло, это определено истинно, а если то, что произошло, отрицается, это определено ложно (Boetius 1877, I: 104, 4–15).

Далее Боэций приводит и пример единичного высказывания о прошлом: «Сократ был убит ядом» и опять отмечает, что «утверждение определено истинно», а «отрицание ложно».

То же самое необходимо и относительно настоящего. Если при условии, что Сократ участвует в дискуссии, кто-либо сказал бы, что «Сократ участвует в дискуссии», а кто-либо отрицал это, то, поскольку участие Сократа в дискуссии определено имеет место, это утверждение также определено содержит истину, [а] отрицание определено ложно. И то же самое верно относительно общих высказываний и утвердительных, и отрицательных, которым противостоят частноутвердительное и частноотрицательное (Boetius 1877, I: 104, 22–105).

Затем Боэций отмечает, что неопределенные высказывания могут оба быть истинными.

Переходя к теме 9 главы, Боэций приводит известную цитату из Аристотеля относительно различия высказываний о прошлом и настоящем и о единичном будущем (18 а 33), в которой мысль выражена, в общем-то, четко,

(05.09.2017).

хотя и слишком коротко для углубленного понимания (9 слов в греческом тексте и 7 слов в латинском переводе Боэция), и продолжает:

Некоторые высказывания обозначают только присущность [свойства предмету], как если бы кто при условии, что Сократ жив, сказал: «Сократ лыс», а другой отрицал: «Сократ не лыс». Ведь одно установило присущность лысины Сократу, а другое отделило лысину от Сократа. Другие [высказывания] действительно являются необходимыми, как если бы кто сказал: «Необходимо, чтобы Солнце каждый год возвращалось в созвездие Овна». И, объявляя событие необходимым и случившимся по необходимости, он всё высказывание делает необходимым. Другие [события] являются случайными, они не являются происшедшими, но в будущем могут стать происшедшими, как если бы кто сказал: «Сегодня Александр собирается завтракать», «Сегодня Александр не собирается завтракать». Ведь когда о таких [ситуациях] говорится, то, хотя «завтракать» ему до сих пор не присуще, однако [это] может произойти и может быть, что он сегодня позавтракает, поэтому мы называем их случайными. Ведь может случиться, что то, чего до сих пор не было, произойдет. Но другим [«завтракать»] не присуще, как уже сказано, поскольку они о будущих событиях. Те же, которым [это свойство] не присуще, но может быть присуще, необходимыми не являются, поскольку имеют такого рода природу, что им возможно и быть, и не быть. Ведь может быть, что сегодня Александр позавтракает, и, наоборот, может быть, что не позавтракает. И эту возможность того, что произойдет или не произойдет, мы называем «любое из двух» (*utrumlibet*). Ведь в ситуациях такого рода случается любое из двух: [происходит событие] либо утверждаемое, либо отрицаемое и не необходимо быть либо утверждаемым, либо отрицаемым. Действительно, когда утверждаемое не является необходимым, нет препятствий, чтобы оно оказалось отрицаемым. Опять же, когда отрицаемое не является необходимым, иногда получается, что оно становится утверждаемым. Вот почему эта такого рода способность происходить и не происходить называется «любое из двух», поскольку в них любому из двух [событий] — утверждаемому или отрицаемому — предоставляется возможность произойти (Boetius 1877, I: 105, 20 — 106, 23).

И Боэций продолжает:

Следовательно, Аристотель стремится с помощью этой сильнейшей аргументации доказать, что в отношении прошлого и того, что есть настоящее, и утверждение, и отрицание необходимо не только истинны или ложны, но и определенно (*definite*) одно истинно, а

другое содержит ложь; не так обстоит дело с теми, которые называются случайными (*contingentes*). Необходимо, чтобы было либо утверждение истинным, либо отрицание, но не было какое-то из них определенно истинным, а другое определенно ложным. В самом деле, если мы говорим: «Александр собирается купаться» и если другой отрицал бы это и сказал: «Александр не собирается купаться», это [событие] в целом необходимо произойдет, поскольку либо он искупается, либо не искупается и необходимо, чтобы одно стало истинным, другое — ложным, [а именно] либо утверждение, если он искупался, либо отрицание, если он не искупался. Но не необходимо, чтобы утверждение было определенно истинно, поскольку ситуация такого рода может и не произойти. Но и отрицание не будет определенно истинно, [а] утверждение ложно, поскольку отрицаемое может не произойти. Поэтому в противоречии в целом, необходимо, чтобы, по крайней мере, одно было истинно, другое ложно, но для того чтобы одно [было] определенно истинно, другое определенно ложно, подобно тому, как в тех [событиях], которые в прошлом и в настоящем, никакое из [рассмотренных] событий разумным основанием быть не может (Boetius 1877, I: 106, 23 — 107, 16).

Перейдем теперь ко второму («большому») комментарию по этой же теме (глава 9). В нем Боэций затрагивает вначале несколько иные вопросы напрямую не связанные с проблемой будущих случайных событий, в частности, делает некоторые терминологические замечания. Он объясняет:

Греки называют категорическими высказывания, которые произносятся без каких-либо условий как, например: «Есть день», «Есть Солнце» ... А есть условные высказывания такого рода: «Если есть день, то есть свет», которые Греки называют гипотетическими. ... И, конечно, те [высказывания], которые Греки называют категорическими, мы, Латины, можем называть предикативными. Ведь если категория есть предикамент (используем кальку, так как в современном переводе с латинского «*praedicamentum*» — это и есть «категория». — *В. В.*), то почему нельзя назвать категорические высказывания предикативными? (Boetius 1880, II: 186, 13–24).

Однако, несмотря на то что в русском языке философская и логическая терминология в основном латинского (западноевропейского) происхождения и основоположник этой терминологии — Боэций, для обозначения высказывания, в котором устанавливается принадлежность (или непринадлежность) предиката (латинский термин!) субъекту (латинский термин!), используется термин «категорическое» (греческий!). Такие вот терминологические пере-

плетения. Впрочем, в терминологии важнейшие характеристики — традиционность и неразрывно связанная с ней привычность.

Переходя к теме, Боэций продолжает (используя уже «свой» термин):

Итак, *предикативные* (выделено мной. — В. В.) высказывания получают характеристику от истинности или ложности событий [ситуаций]. Ведь каковы события, такими будут и высказывания, которые эти события обозначают. В самом деле, если события сами в себе содержат необходимость, высказывания также являются необходимыми, Если же [высказывания] действительно обозначают только присущность, как если бы кто сказал: «Человек гуляет», указывая, что «гуляние» присуще [этому] человеку, исключая какую-либо необходимость, тогда высказывания обозначают только присущность, без всякой необходимости. Так что если события необходимы, то высказывания, которые указывают на эти события, называются необходимыми; а если события приходят и проходят случайно, высказывание, которое их выдвигает, называется случайным. Так как времена — одни будущие, другие настоящие, другие же прошлые, события также подчинены времени и изменяются в соответствии с временными изменениями. Ведь одни из них есть [события] настоящего, другие — будущего, другие — прошлого. И точно так же в одних высказываниях содержится значение прошлого времени, как если я говорю: «Греки разрушили Трои», в других — настоящего, если [сказать]: «Франки и Готы завязывают сражение», в других — будущего, если [сказать]: «Греки и Персы собираются двигать войска». И, конечно, [высказывания] о прошлом и настоящем, как и сами события, являются постоянными и определенными (Boetius 1880: II: 188, 14 — 189, 7).

Затем Боэций повторяет ещё раз ту уже неоднократно провозглашенную мысль, что высказывания о прошлом и настоящем являются определенными, и переходит к изложению ситуации, когда речь идет о высказываниях, «в которых говорится о будущем и они являются случайными. Обычно же будущими [событиями] он называл те, которые, как правило, точно так же называют случайными. Случайным же в соответствии с мнением Аристотеля является то, что обязательно или несет [в себе] случайность, или происходит по свободной воле и собственному кого-либо желанию, или в силу готовности природы любым из [двух] способов может или произойти, или не произойти». И Боэций опять отмечает, что разница между событиями прошлого и настоящего и событиями случайного будущего состоит в том, что первые являются «определенными и постоянными», а события будущего могут «и произойти, и не произойти» (Boetius 1880, II: 189, 22 — 190, 11).

Боэций посвящает довольно большое место полемике стоиков и перипатетиков относительно модальных понятий. Переходя к изложению взглядов

Аристотеля относительно истинностного статуса высказываний в зависимости от времени (о чем во втором комментарии уже шла речь выше), он, естественно, также начинает с анализа известных первых строк из 9 главы (18 а 28 и сл.) и отмечает:

Он [Аристотель] отличает категорические высказывания, которые мы можем по-латински называть предикативными (как мы уже говорили раньше)... истинность которых зависит от обозначаемых ими событий, от гипотетических или условных, истинность которых от событий не зависит (Boetius 1880, II: 199, 1–6).

Боэций, используя немного другой термин, опять повторяет мысль, что истинность и ложность высказываний о прошлом и настоящем несомненна (*certa*) (Boetius 1880, II: 199, 18), но не так обстоит дело с событиями будущего, которые Аристотель считает скорее случайными. Случайными являются такие события, которые одинаково могут и произойти, и не произойти, следовательно являются неопределенными, и поэтому неопределенными являются и соответствующие им высказывания. При этом «одно было бы всегда истинным, а другое всегда ложным, но какое было бы истинным, а какое — ложным, на основе случайностей ещё не определено» (Boetius 1880, II: 200, 11–18).

Попробуем подвести некоторые итоги текстуального рассмотрения тех фрагментов комментария Боэция, которые относятся к проблеме различий между высказываниями о прошлом и настоящем и единичными высказываниями о будущем. Я не затрагиваю другие вопросы относительно 9 главы, рассматриваемые в комментарии, потому, что считаю текстуальное исследование очень важным, а оно по своему характеру всегда достаточно объемно. Если исходить из понимания времени Боэцием и иметь в виду события и отношения в «человеческом» мире (таким образом исключив проблемы, связанные с «божественными» онтологическими и иными характеристиками), то достаточно ясно, что Боэций принимает динамическую концепцию времени. Действительно, основные временные отношения между событиями — прошлое, настоящее, будущее — выражаются формами глагола («было», «есть», «будет»), которые и используются в соответствующих событиях высказываниях. События будущего еще не осуществились, события настоящего происходят сейчас, но, хотя события прошлого сейчас тоже не обладают статусом существования, они уже состоялись и тем самым стали определенными. Комментируя (и разъясняя) мысль Аристотеля, что истинность единичного высказывания о будущем не такова, как высказываний о прошлом и настоящим, Боэций применяет довольно простой, но в то же время убедительный способ, чтобы показать, что Аристотель правильно это установил. Он приводит в качестве обоснования своего понимания позиции Аристотеля конкретные высказывания (единичные, общие, частные и неопределенные) с разными конкретными субъектами и предикатами в той или иной временной форме.

Причем это, в принципе, основной способ обоснования, которым он пользуется. Достаточно сказать, что в комментариях Боэция можно найти более тридцати примеров использования различных конкретных высказываний (некоторые из них — в переведенных выше текстах) для обоснования своей точки зрения относительно аристотелевского текста. В своих рассуждениях он четко следует известной и выраженной в явной форме ещё Аристотелем классической концепции истинности, то есть соответствия мысли (выраженной высказыванием) и действительности (события). Первичным является событие, и не событие зависит от высказывания, а высказывание обозначает и зависит от события. Боэций отмечает, что события происходят во времени (прошлом, настоящем и будущем). При этом исход, результат событий прошлого и настоящего, которые уже произошли или уже происходят, определён (*definite*), а вот случайные события будущего ещё не определены и не предопределены, они могут произойти или не произойти. Высказывания обозначают события и относятся соответственно к прошлому, настоящему или будущему. Истинность высказываний о прошлом и настоящем определена описываемыми в них (происшедшими или происходящими) событиями, и они, поэтому называются «определенно истинными», а высказывания о будущих событиях «определенными» не являются, так как ещё не «определилось», какие события произойдут. Такие разъяснения позиции Аристотеля относительно различий в понимании истинности высказываний о прошлом, настоящем и будущем дает Боэций в своём комментарии.

Перейдем теперь к комментарию (на ту же тему из 9 главы), данному Аммонием Гермием (старшим современником Боэция).

Аммоний отмечает, что деление высказываний может основываться на учете различий их субъектов, но Аристотель рассматривает здесь ещё и такие деления, которые возникают на основе различия предикатов, а так как предикаты должны быть глаголами, то возникает дополнительное деление, поскольку глаголы обозначают время, — и продолжает: «Время же разделяется на три: прошлое, настоящее и будущее, — и необходимо, чтобы каждое из высказываний относилось к одному из времен» (Ammonius 1897: 128, 21–29). Затем Аммоний пишет, что отношения высказываний по логическому квадрату истинны или ложны независимо от времени. Пример высказывания о будущем: если «Некоторый человек будет белым» истинно, то «Никакой человек не будет белым» — ложно (Ammonius 1897: 129, 20–22).

Переходя к рассмотрению единичных случайных высказываний о будущем, Аммоний делает такие же выводы, что и Боэций (хотя, видимо, раньше него), а именно что истинность этих высказываний не такова, как высказываний о прошлом и настоящем, которые в соответствии с описываемыми в них событиями являются определенно истинными.

В отношении будущего времени, он [Аристотель] говорит, что единичные высказывания всё еще разделяются на истинные и ложные, но не так, как в настоящем или прошедшем времени, ведь уже

нельзя сказать, что какое-то из них является определенно (*orismenos*) истинным или ложным, поскольку событие еще не произошло, но может и произойти, и не произойти (Ammonius 1897: 130, 20–26).

Аммоний снова возвращается к этой теме немного далее и после рассуждений аналогичных вышеизложенным (касательно отношений между высказываниями по квадрату при использовании будущего времени (Ammonius 1897: 138, 12–35)) ещё раз отделяет (в соответствии, как он полагает, с мыслью Аристотеля) единичные высказывания о будущем, которые неопределенны, от таких единичных высказываний о будущем, которые определенно произойдут. Он приводит пример первых:

«То, что может быть, будет» может произойти и не произойти, например: «Я собираюсь идти», «Я собираюсь плавать», а то, что определенно будет, имеет место, когда мы говорим: «будет зима или [будет] лето или [будет] затмение (Ammonius 1897: 139, 4–6).

Таким образом, наш комментатор в целом принимает (что естественно) позицию Аристотеля и подробно разъясняет свое понимание данного вопроса, а именно: единичные высказывания о будущих событиях, которые происходят в соответствии с определенными закономерностями, то есть не могут не произойти и поэтому называются определенными, отличаются от высказываний, описывающих случайные ситуации, которые могут осуществиться, а могут не осуществиться и поэтому называемых неопределенными. При этом в качестве основного средства обоснования своей точки зрения (так же, как впоследствии Боэций) он использует примеры конкретных ситуаций, описываемых соответствующими (по типу) высказываниями. Понимание времени Аммонием вполне соответствует динамической концепции, поскольку онтологический статус событий разных времен различен. Событий будущего еще нет, а будут ли они в том или ином виде происходить — неизвестно (не определено).

Аммоний также указывает, что, хотя исследование Аристотеля носит логический характер, оно, тем не менее, имеет значение и для некоторых других частей философии, например для этики (проблема свободы выбора), для естествознания (всё ли возникает по необходимости или некоторые вещи возникают случайно и сами собой), для теологии (как космос управляется провидением и всё ли в мире возникает определенным образом и по необходимости) и, возможно, для ряда других (Ammonius 1897: 130, 27 — 131, 7).

Кроме того, хотя в тексте Аристотеля об этом не говорится, Аммоний предлагает рассмотреть некоторые парадоксальные рассуждения, в которых делается попытка обосновать, что всё происходит по необходимости (известная точка зрения стоиков), а именно парадокс «Жнец» и рассуждение, в котором рассматривается, какой вид знания о случайном будущем присущ бо-

гам. Для нас интересен прежде всего парадокс «Жнец», который ранее не воспроизводился в отечественной литературе. Этот парадокс Аммоний называет «более словесным (logikoteros)» и излагает так:

«Если ты будешь жать», говорится в нем, «то неверно, что ты, может быть, будешь жать и, может быть, не будешь жать, [и] но ты в любом случае будешь жать; а если ты не будешь жать, точно так же неверно, что ты, может быть, будешь жать и, может быть, не будешь жать, [и] но ты в любом случае не будешь жать. При этом необходимо, что ты будешь жать или не будешь жать, следовательно «может быть» было исключено [разрушено]: если оно действительно не имеет места ни в отношении противопоставления «жать» и «не жать», одно из которых происходит по необходимости, ни в отношении того, что следует из любого [из этих] предположений, а раз «может быть» вводило случайность, то тогда случайность исключается [разрушается]». Против этого рассуждения легко найти [ответ] в том, что всякий раз, когда ты говоришь: «Если ты будешь жать, то неверно, что ты, может быть, будешь жать и может быть, не будешь жать, [и] но ты в любом случае будешь жать», то, по твоему мнению, как правильно предполагать: «будешь жать» является необходимым или случайным? Если считать его случайным, значит, мы имеем то, что ищем. Если же необходимым, то, во-первых, ты требуешь, чтобы то, что мы с самого начала ищем, [было принято] пришло к нам как очевидное, кроме того, будет истинным «в любом случае ты будешь жать», однако больше нельзя будет говорить «или ты будешь жать, или не будешь жать», и как может быть, что, [хотя] из этих высказываний одно необходимо, а другое, очевидно, невозможно, «но будет [одно из них] это или это»? Так что данное умозаключение для этих высказываний не проходит» (Ammonius 1897: 131, 25 — 132, 7).

Более подробный анализ парадокса «Жнец» предполагается в публикации о Стефане Александрийском.

Итак, мы видим, что точки зрения и Аммония, и Боэция в отношении взглядов Аристотеля на проблему истинности единичных случайных высказываний, изложенных в 9 главе «Об истолковании» вполне конгениальны. Однако содержание комментариев и используемая терминология у каждого из авторов вполне самостоятельны. Например, Боэций совсем не упоминает парадоксы, подробно излагаемые Аммонием («Жнец» и другие) и ряд других важных тем, так же как и Аммоний относительно тем Боэция. Примеры конкретных высказываний, играющие главную роль в разъяснении (комментировании) точки зрения Аристотеля и обосновании (доказательстве) собственной позиции, а этих высказываний в текстах комментариев более сорока, у каждого автора свои собственные. И только одно высказывание: «Со-

крат гуляет» — используется и Аммонием, и Боэцием. Так что делать вывод о влиянии Аммония на Боэция (на основе текстов комментариев) или даже называть Боэция учеником Аммония, безусловно, необоснованно.

Литература

- Аристотель 1978 — *Аристотель*. Об истолковании // Сочинения в 4-х т. Т. 2. М., 1978. С. 99–102.
- Аристотель 1976 — *Аристотель*. О душе // Сочинения в 4-х т. Т. 1, М., 1976. С. 436–437.
- Борисов 2014 — *Борисов Е. В.* Боэций и Райл об эпистемическом фатализме // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. Новосибирск, 2014, № 8.2. С. 339–346.
- Борисов 2015 — *Борисов Е. В.* Две интерпретации проблемы логического детерминизма у Аристотеля // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. Новосибирск, 2015, № 9.2. С. 253–259.
- Боэций 1990 — *Боэций*. «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1990.
- Воробьев 1976 — *Воробьев В. В.* Импликация и модальности у Диодора Крона // Из истории античной культуры. М., 1976. С. 82–93.
- Воробьев 1980 — *Воробьев В. В.* Понимание времени у Августина // Логические проблемы исследования научного познания. М., 1980. С. 15–24.
- Воробьев 1987 — *Воробьев В. В.* Концепция овременённых высказываний у античных философов // Современная логика и методология науки. М., 1987. С. 33–47.
- Воробьев 1989 — *Воробьев В. В.* Становление идей неклассической логики в античности и средневековье. М., 1989.
- Гусева 2003 — *Гусева М. А.* Об интерпретации связки «есть» в боэциевском комментарии на трактат Аристотеля «Об истолковании» // Логико-философские штудии. СПб., 2003, № 2. С. 223–227.
- Карпенко 1990 — *Карпенко А. С.* Фатализм и случайность будущего. М., 1990.
- Лукаевич 1959 — *Лукаевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959.
- Молчанов 1977 — *Молчанов Ю. Б.* Четыре концепции времени в философии и физике. М., 1977.
- Новолодская 2013 — *Новолодская И. В.* Анализ логической детерминации у Аристотеля // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Вып. 10–1 / 2013. <http://cyberleninka.ru/article/n/analiz-logicheskoy-determinatsii-u-aristotelya> (дата обращения: 05.09.2017)
- Прайор 2000 — *Прайор А. Н.* Предтечи временной логики // «Логос», 2000, № 2. С. 98–112.
- Спешилова 2015 — *Спешилова Е. И.* Истинностное значение высказываний о будущих единичных событиях у Аристотеля // СХОЛН. Философское антиковедение и классическая традиция. Новосибирск, 2015, № 9.2. С. 260–264.
- Тоноян 2002 — *Тоноян Л. Г.* Римская судьба логического наследия Аристотеля (от Цицерона до Боэция) // VERBUM 6, Аристотель и средневековая метафизика. СПб, 2002. С. 27–45.
- Тоноян 2013 — *Тоноян Л. Г.* Логика и теология Боэция. СПб., 2013.

- Цицерон 1985 — *Цицерон*. Философские трактаты. М., 1985.
- Ammonius 1897 — *Ammonius in Aristotelis De Interpretatione Commentarius*. Busse, A. (ed.), Commentaria in Aristotelem Graeca, IV, 5. Berlin, 1897.
- Ammonius 1998 — *Ammonius On Aristotle's On Interpretation 9 with Boethius On Aristotle's On Interpretation 9*. Transl. by D. Blank and N. Kretzmann. London and Ithaca, 1998.
- Boetius 1877–1880 — *A. M. S. T. Boetii commentarii in librum Aristotelis Peri Hermeneias rec. C. Meiser*. Pars prior, Lipsiae, 1877, (I); pars posterior, Lipsiae, 1880 (II).
- Braüner, Hasle, Øhrstrøm 2000 — *Braüner T., Hasle P., Øhrstrøm P. Determinism and the origins of temporal logic* // H. Barringer, M. Fisher, D. Gabbay, G. Gough (eds.). *Advances in temporal logic* (vol. 16, Applied Logic Series). Dordrecht: Kluwer, 2000. Pp. 185–206.
- Ierodiakonou 2002 — *Byzantine philosophy and its Ancient Sources*. Ed. by K. Ierodiakonou. Oxford, 2002.
- Chase 2013 — *Chase M. Boethius on time, eternity, providence and philosophy as a way of life* // <http://iph.ras.ru/uplfile/histsc/seminar/2013/> (accessed: 05.09.2017).
- Chase 2014 — *Chase M. Time and Eternity from Plotinus and Boethius to Einstein* // ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция. Новосибирск, 2014, № 8.1. С. 67–110.
- Gaskin 1995 — *Gaskin R. The Sea Battle and the Master Argument* // Aristotle and Diodorus Cronus on the metaphysics of the future. Berlin—New York: De Gruyter, 1995. (Quellen und Studien zur Philosophie, Bd. 40.)
- Goris 2002 — *Goris H. Reception of Aristotle's DE INTERPRETATIONE 9 in Latin West: Boethius and the Scholastics* // VERBUM 6, Аристотель и средневековая метафизика/ СПб, 2002. Pp. 64–72.
- MacFarlane 2003 — *MacFarlane J. Future contingents and relative truth* // The Philosophical Quarterly. Vol. 53, no. 212, July 2003. Pp. 321–336.
- Øhrstrøm, Hasle 1995 — *Øhrstrøm P., Hasle P. F. V. Temporal logic* // From Ancient Ideas to Artificial Intelligence. Dordrecht, 1995.
- The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Principal Editor: Edward N. Zalta. URL: <http://plato.stanford.edu/>. Stanford.
- Wawer 2014 — *Wawer J. The Truth About the Future* // Erkenntnis. Vol. 79. Supplement 3, April 2014. Pp. 365–401.